

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

В настоящей статье дан обзор лингвистических статей, опубликованных в первых выпусках трех зарубежных славистических журналов: 1) «Die Welt der Slaven.— Vierteljahrsschrift für Slavistik», Jg. I, Heft 1 и 2, Wiesbaden, 1956; 2) «Zeitschrift für Slawistik», Bd. I, Heft 1, Berlin, 1956; 3) «Scando-Slavica», Copenhagen: t. I — 1954; t. II—1956. В последующих номерах журнала будут опубликованы обзоры в по ряду других (немецких, польских, чешских, болгарских) журналов.

1

Первому номеру журнала «Die Welt der Slaven» предпослана краткая вступительная статья его редактора Э. К о ш м и д е р а (Мюнхен) «Мир славян и мы» (E. Koschmieder, Die Welt der Slaven und wir), в которой говорится о задачах журнала. Новое издание призвано, по словам его редактора, способствовать лучшему пониманию славянской культуры, распространению подлинно научных знаний о славянах.

Далее следует статья А. Б е л и ч а (Белград) «К развитию языковых отношений. К вопросу о теории склонения» (A. Belić, Zur Entwicklung der Sprachrelationen. Ein Beitrag zur Deklinationstheorie) (стр. 4—10). Автор развивает те же мысли о падежных значениях, которые были высказаны им в его известной книге «О языковой природе и язычком развитии» (Београд, 1941). А. Белич писал там: «... носителем падежного значения является не сама падежная форма, но падежная синтагма» (стр. 236). «Когда говорим *рублю* — в этой глагольной форме по д р а з у м е в а е т с я и объект, который сейчас не выражен; но когда говорим *рублю дерево*, словом *дерево* мы его раскрываем. Слово *дерево* является объектом не по своей форме, а потому, что оно р а с к р ы в а е т о б ъ е к т, который скрыт в самом значении глагола *рублю*» (стр. 218). Отсюда следует, что и развитие падежных значений не связано с формальными изменениями в языке. Эта мысль подчеркивается А. Беличем и в его новой статье: «...отношения в языке в действительности остаются всегда одинаковыми, даже когда меняется их внешняя форма» (стр. 4). Например, в сербо-хорватском языке ряд падежных форм совпал. Тем не менее значения соответствующих падежей продолжают четко различаться. Основываясь на этом, А. Белич в качестве «рабочих гипотез» выдвигает следующие положения: 1) выравнивание падежей в отношении формы происходит независимо от значения падежей; 2) бесполезно и ошибочно выискивать что-либо общее в значении различных падежей, чтобы объяснить их формальное совпадение; 3) развитие значения форм склонения происходит в языках независимо от изменения их внешних (формальных) показателей. Автор иллюстрирует эти положения совпадением форм дательного, инструментального и локативного падежей во множественном числе в сербо-хорватском, произошедшим в результате сложных процессов, в которых играли роль звуковые изменения, морфологическое выравнивание, аналогия; значения же этих падежей оставались неизменными. Падежные формы являются в настоящее время, согласно А. Беличу, «дифференциальными знаками» (Differenzialzeichen) для целого ряда синтагм. Указанные падежи множественного числа в сербо-хорватском не представляют никакого отличия — их формы сохраняются как общий «дифференциальный признак», отграничивающий эти падежи от всех остальных. Их дальнейшее разграничение зависит, как и в других случаях, от отношений составных частей соответствующих синтагм.

Из всего этого вытекает, по мнению А. Белича, что формально различные падежи стали излишними в языках, так как их различные значения сохраняются в синтагмах даже тогда, когда выравниваются их «дифференциальные формы». Основной вывод автора заключается в следующем: сами отношения значений слов в синтагмах приняли на себя выражение падежных значений также и в тех живых индоевропейских языках, в которых склонение сохранилось относительно хорошо.

Хотя некоторые выводы статьи вряд ли могут быть приняты, так как они несколько отвлечены, абстрагированы от реального многообразия языковых отношений, мысли А. Белича о независимости изменения надежных форм от развития их значений, его наблюдения, касающиеся соотношения грамматических и семантических моментов в синтагме, безусловно, заслуживают внимания.

Интересная статья принадлежит П. Дильсу (Мюнхен) — «Велярный спирант и гортанный спирант» (P. Diels, *Velarer Reibelaut und Kehlkopfreibelaut*) (стр. 11—17). Дильс указывает, что на нерусских исследователей русский звук *x* часто производит впечатление гортанного спиранта *h*, и они приравнивают русск. *x* к *h* их языков. То, что русские фонетики отмечают лишь одно произношение *x*, автор объясняет нормативным характером их книг, а также тем, что «вариационные возможности» *x* могут казаться русским исследователям незначительными по сравнению с той разницей, которую они чувствуют при сопоставлении этого звука с немецким, английским или шведским. Отмечено ослабление *ch* в польском языке. В большинстве штокавских говоров сербохорватского языка этот звук исчез. Первой ступенью к исчезновению автор считает его произношение как *h*.

Для сербо-хорватского, польского и русского языков характерно, таким образом, то, что велярный спирант *x* в них в известной степени ослаблен — вообще или в определенном положении. Это совпадение трех языков можно, конечно, считать случайным. Но П. Дильс обращает внимание на следующее. «Ослабление велярного спиранта происходило в тех областях, где не было фрикации общеславянского *g*. Правда, в ряде языков, например словенском, болгарском, сохраняющих вариантное *g*, сохраняется и *x* как велярный спирант. Характерно, однако, что языки, заменившие варьяное *g* фрикативным звуком, не знают ослабления *x*. Так, видоизменения *x* и *h* не наблюдаются в украинском, белорусском, словацком, чешском, верхнелужицком. Складывается впечатление, что языки «избегают» совпадения *x* и *g*, что различие между глухим *h* (из *x*) и звонким *h* (из *g*) было бы для славянских языков недостаточным. Но Дильс, однако, справедливо сомневается в достаточности подобного объяснения. Как показывает история языков, там, где происходит — в результате фонетических изменений — совпадение в звучании первоначально различных (по происхождению и значению) слов, язык «не заботится» о том, чтобы препятствовать этому сближению или задерживать его; если совпадение мешает пониманию, язык просто уничтожает одно из совпавших слов, заменяя его родственным. Автор, однако, не склоняется и к тому, чтобы считать обрисованное им положение вещей случайностью, хотя и не берется объяснить его.

Во втором разделе помещена рецензия Дильса на книгу Лунта (H. G. Lunt, *Old Church Slavonic Grammar*, 1955; стр. 82—84) (рецензент сомневается в целесообразности в учебном пособии принятого автором структурального метода и его преимуществе перед старым методом изложения) и две рецензии Э. Кошмидера — на изданный Академией наук БССР в 1953 г. «Русско-белорусский словарь» под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки (стр. 84—85) и на «*Słownik Staropolski*», издаваемый Польской академией наук (т. I, вып. 1) (стр. 86—87).

В третьем разделе помещен составленный О. Махом указатель — «Выбор важнейшей литературы по славистике за 1954—1955 гг.» (O. Mach, *Auswahl der wichtigsten Literatur zur Slavistik*, 1954/1955) (стр. 93—136), где указывается также и лянговичская литература по всем славянским языкам.

Вышел также второй выпуск первого тома, открывающийся небольшим сообщением Хр. С. Станга (Осло) «К проблеме дифтонга *ie* в литовском языке» (Chr. S. Stang, *Ein Beitrag zum Problem vom Diphthong ie im Litauischen*) (стр. 137—139). Автор, привлекая встречающиеся в старолитовских текстах возвратные формы некоторых глаголов с древним несокращенным окончанием перед возвратной частицей, обращает внимание на формы 2-го лица единственного числа некоторых из этих глаголов, имеющие окончание *-ai*: *mekstais(i)*, *rupinai*. Сопоставив их с формами 1-го и 3-го лица, он делает следующий вывод: окончание *-i* < *-ie* (ср. возвратное *-iesi*) 2-го лица восходит непосредственно к *-ēi*, а не к *-ēi* (стр. 138). Это позволяет выдвинуть нижнее положение о том, что при известных условиях, которые автор не берется определить в данном случае, *ie* — по крайней мере в конце слова — оказывается производным из *ai* (там же). Автор отмечает при этом, что самое *-ai* во 2-м лице единственного числа произошло из более раннего *-ei* в результате обобщения *a* как тематического гласного.

Наблюдения автора представляют безусловный интерес, так как вопрос о происхождении балтийского дифтонга *ie* не может считаться окончательно решенным — возможность его происхождения из *ai* (**oi*) чаще всего отрицается (Эндзелин). Для ряда корней, где сопоставление с другими языками дает именно эти соответствия, обычно предполагается влияние «народной этимологии» или «звуковых ассоциаций» (например, литовск. *piemiū* «пастух», возводимое вместе с греч. *ποιῦν* к и.-е. корню **poi-*¹, — под воздействием *pietas* «выгон, пастбище», или литовск. *dieveris*, латыш.

¹ Ср. Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, перевод с франц., М., 1955, стр. 199.

diēveris при арм. *taigr*, греч. *δαῖρ* из **δαιFηρ*, др.-в.-нем. *Zeichur*, слав. *дѣверь* при ассоциации с литовск. *dievas*, латыш. *dēvs*¹).

Далее следует заметка А. Вайяна (Париж) об этимологии старославянского *спути* и *тинје*, польского *tani* (A. Vaillant, *Etymologica*) (стр. 140—142). Автор предлагает новое объяснение происхождения этих слов. Он считает, что первое из них заимствовано из германского (др.-в.-нем. *spuot* «быстро»), хотя и признает трудность объяснения славянского *у* из герман. *ō*. Для второго А. Вайян выдвигает следующее объяснение. Он сближает, — как это делает Миклошич, не поддержанный, впрочем, последующими исследователями, — со старославянским *тинје* польск. *tani* «дешевый». Поскольку **tin-* и **tan-* не могут объясняться чередованием гласных, автор считает нужным допустить в основе этих слов такой оборот, где *tu-* и *ta-* могли заменять друг друга. А. Вайян предполагает **tu na* (?) «вот, возьми» и «региональный вариант» **tu na* (?).

П. И в и ч (Новый Сад) в заметке «Некоторые замечания к славянской этимологии и географии слов» (P. Ivić, *Einige Beiträge z. slavischen Etymologie u. Wortgeographie*) (стр. 143—147) использует данные сербо-хорватских диалектов, уточняющие представления о распространении некоторых славянских слов (*buj*, *kuznica*, *prelav*, *tákši*, *ugar*, *vigled*).

Последней из лингвистических работ, опубликованных в данном выпуске, является статья И. Поповича (Новый Сад) «Состояние и задачи исследования говоров Воеводины» (I. Popović, *Stand und Aufgaben der Erforschung der Vojvodina-Mundarten*) (стр. 148—158), в которой автор касается истории изучения говоров Воеводины, вопроса о их происхождении и устанавливает определенные «типы говоров» на рассматриваемой территории.

Номер заканчивается библиографическим указателем «важнейшей литературы по славяноведению» (стр. 232—263), составленным О. Махом (Мюнхен).

Т. В. Булыгина и Д. Н. Шмелев

2

Первый номер нового журнала «*Zeitschrift für Slawistik*» открывается статьей В. Махека (Брно) «Слав. *ot-*, балт. *at-*» (V. Machek, *Slav. ot-, balt. at-*) (стр. 3—10). Автор пытается установить первоначальное значение этого префикса, сближая его с греч. *ἀντι(i)*, герм. *and-, -end-* (нем. *ant-, ent-*), лат. *ante*, ирл. *aith, aid*, арм. *ənd-*. По мнению Махека, первоначальное значение *anti(i)* лучше всего выясняется из древнегреческого языка. Это префикс, который придает глаголу значение обратности или взаимности действия: Б является целью действия со стороны А, но Б «возвращает» действие или делает что-либо подобное в отношении А. Это значение может развиваться в двух направлениях: перевес получает или аблативное или противительное значение. Махек сопоставляет употребление *ἀντι* и *οτι* с родительным падежом имени при сравнении в древнегреческом и славянских языках. Однако приводимый им пример из чешского языка (*jsm tepr̄ od bratra*) не может подтвердить древности подобных конструкций — нельзя быть вполне уверенным, что они не являются новообразованием в славянских языках. Развитие функций славянского *ot-* Махек представляет в следующем виде: 1) «возвращаемое» действие (die rückläufige Wechselhandlung); 2) доведение действия до исчерпанности; 3) отделение.

Наибольшие затруднения вызывает фонетическая сторона. В соответствии с *anti* в славянском ожидалось бы *o* носовое. Махек справедливо указывает, что редукция служебных слов не является необычной, однако приводимый им в связи с этим «вполне надежный, довольно похожий» случай: слав. *ob-* из и.-е. **ambhi* (греч. *ἄμφι*, лат. *ambi-*) может представляться и сомнительным. Несколько наивным выглядит объяснение различия в употреблении рассматриваемых префиксов в древнегреческом и современных славянских и балтийских языках «условиями и обстоятельствами жизни, а именно тем, что «взаимные действия» (Wechselseitigen Handlungen) «были частыми в античной жизни: боевые сражения пар противников, состязания атлетов и художников, соревнования, переговоры на собраниях, взаимный обмен подарками при расставании» — все это, по мнению Махека, поддерживало соответствующее употребление префикса (стр. 7).

Статья Ф. Ливера «Об экспрессивных языковых средствах в славянских языках» (F. Liewehr, *Über expressive Sprachmittel im Slawischen*) (стр. 11—27) является развитием и продолжением его прежних работ, посвященных той же теме². Автор рассматривает ряд слов в славянских языках, звуковой

¹ См. E. Fraenkel, *Analogische Umgestaltung und Volksetymologie besonders im Baltischen und Slavischen*, «*Zeitschrift für slavische Philologie*», Bd. XXIII, Heft 2, Heidelberg, 1955.

² См. F. Liewehr, *Zur Ausdrucksverstärkung im Slawischen*, «*Zeitschrift für slavische Philologie*», Bd. XXIII, Heft 1, Heidelberg, 1954; там же указаны предыдущие работы автора и других исследователей, связанные с данной темой.

облик которых нарушает регулярные фонетические соответствия, и объясняет эти отклонения экспрессивным характером значений данных слов. Так, например, реконструируемая форма **zing*-рассматривается как «отмеченный экспрессивной навализацией и палатализацией» вариант к **ueik-*, *ueig-*, и связываются **vezati*, **vezati*, **vezeti* (< **vezti*) и чеш. *vaz*, арм. *viz* «иная», прус. *winsus* (стр. 11). При сопоставлении этих слов со ст.-слав. *ozьkъ*, русск. *узкий* и т. д. автор говорит об экспрессивном начальном *v-* в этой группе слов, привлекая в связи с этим и такие примеры, как слав. *veprъ* при лат. *aper* и чеш. *vajce* > *vejce* при ст.-слав. *ajce* (стр. 13—15). В некоторых словах наблюдается чередование начальных **z-*, **vo-*, **g-* (например, русск. *ус*, польск. *was*, ст.-слав. *gъ-sъnica*, польск. *wasienica*, *gąsienica*, чеш. *housenica*). Автор объясняет это чередование эмоциональной окраской данных слов (стр. 14—15). Кроме экспрессивной навализации (о ней говорится также в связи с **mězga*—**mězga*—стр. 16), Ф. Ливер указывает на экспрессивное смягчение согласных: ст.-слав. *dragъ*, болг. *drъgъ*, русск. *друж* и т. д. и русск. *друж*; ср. также русск. *дрпанать-дрпанать*; в этом же плане рассматриваются Ф. Ливером словацк. *driapat'*, *briadka*, *vianoce*, *d'alekŭ* по отношению к чеш. *brádka*, *vánoce*, *dalekŭ*. «Словацкий язык, — замечает автор, — вообще богат экспрессивными языковыми средствами и часто употребляет их... гораздо более широко, чем другие славянские языки» (стр. 20).

Следствием языковой экспрессии объясняются мена гуттуральных в таких словах, как чеш. *rozha* и *rozka*, *miezha* > *miza* и *miezka* > *miska*, ст.-чеш. *moh* и *mozk* (современ. *mozek*). Ливер справедливо возражает против объяснения *zk*, *sk* в этих словах оглушением и ассимиляцией конечного согласного после падения *ǣ* перед паузой и перед глухими следующих слов. Вряд ли, действительно, форма род. падежа мн. числа *mězga* реально употреблялась, а в ст.-чеш. *vohr* и *voskr* *ř* выходит не на конце слова. Стремлением к «усилению выразительности» (*Ausdruckverstärkung*) объясняет автор также колебание *zg* и *sk* в *brěskъ* и *brězga* (чеш. *brěsk*, польск. *brzask* и ст.-слав. *probřěsgъ*, русск. *брега*, *брежит*) (стр. 17—19). Экспрессивная мена гуттуральных предпологается Ф. Ливером также в ряде **květ*—*cvět*, **svět*, **gъzga*. Сохранение *k* в укр. *kaim* автор считает также стремлением к экспрессивному усилению (стр. 22—25). Экспрессивным характером слова объясняется и *o* в южнославянском *rob* < **orbъ* (стр. 26—27). Отклонения от звуковых соответствий рассматриваются также как результат «свободного экспрессивного наращения звуков, перестановки согласных. Интересны наблюдения автора над «контаминацией» (например, наличие *l* в словацк. *mliazga* < **m'zga* определяется звуковой близостью к «экспрессивной» группе **melaivon* и, наоборот, значение словацк. *miezga* «древесный сок под корой» развилось у этого слова под влиянием **mězga*)¹.

«Экспрессивность», как видно уже из приведенных примеров, понимается Ф. Ливером весьма широко. Собственно, все звуковые отклонения подводится им под «экспрессивное усиление». В результате стремление автора выделить те или иные семантические группы экспрессивных слов не всегда представляется вполне оправданным, так как «экспрессивность» этих слов, в конечном счете, определяется для автора отклонением этих слов от регулярных звуковых закономерностей, а эти отклонения, в свою очередь, объясняются их «экспрессивностью». Не всегда и сближения автора представляются достаточно убедительными (например, русск. *бочка* как «экспрессивный вариант» с перестановкой согласных — в *куб*, *кубок*, др.-инд. *kumbhās*, греч. *κῦδος*, лат. *кура*, греч. *κότλ* и т. д., стр. 15) Может быть, в некоторых случаях естественно предположить сближения, сходные с так называемой «народной этимологией», но ставя их в зависимость от чередований определенных звуков (например, в приведенных выше славянских названиях «гусеницы»). Иногда более убедительным представляется предположение о звуковом уподоблении первоначально неродственных, но близких семантически слов, чем те объяснения, которые дает автор (напр., слав. **kloniti* и **sloniti* — стр. 21)². В целом статья Ф. Ливера представляет несомненный интерес для этимологов: систематическое выявление и изучение слов, представляющих нарушения определенных фонетических соответствий, какие бы объяснения ни давались этим нарушениям, само по себе является весьма ценным для сравнительного изучения славянских языков.

В краткой статье Л. Ф а л ь б у ш а «Славянский материал в „Словаре альтенбургского диалекта“ Даубе» (L. Fahlbusch, Slawisches aus Daubes Wörterbuch der Altenburger Mundart) (стр. 29—31) для некоторых слов, засвидетельствованных в неизданном словаре альтенбургского диалекта, предлагаются «новые возможные этимологии», основанные на сопоставлении со славянским материалом.

Второй раздел журнала начинается составленным О. Ф о й л е м библиографическим обзором, охватывающим работы по славистике и изучению восточноевропей-

¹ В другой работе Ливер приводит такой пример контаминации: * *treso*, объединяет *tremb* и *treso* (см. указ. статью, стр. 92).

² См. K. Būga, *Kalba ir senovē, I*, Kaunas, 1922, стр. 194 и сл.; ср. E. Fraenkel, *Die baltischen Sprachen*, Heidelberg, 1950, стр. 15—16.

ских стран, вышедшие за десятилетие (1945—1955 гг.) на немецком языке в Восточной Германии («Zehn Jahre Slawistik und Osteuropa-Kunde im Spiegel der deutschsprachigen Veröffentlichungen Ostdeutschland», 1945—1955) (стр. 112—132). Далее следует заметка Шустера — Шевца (стр. 132—138) о культурной жизни лужицян после 1945 г., об изданиях на сербо-лужицком языке, а также о работах, посвященных сербо-лужицкому языку и литературе, появившихся в послевоенные годы. Автор отмечает некоторые особенности и недостатки вышедших за последние годы грамматики верхне- и нижнелужицкого языка. В этом же разделе помещен составленный Э. Эйхлером указатель «Славистические и германо-славистические работы по топонимике в ГДР (до марта 1955 г.)» (стр. 138—139).

Т. В. Бузыгина и Д. Н. Шмелев

3

В I томе «Scando-Slavica» (1954 г.) помещены 8 лингвистических статей. Г. Якобсон (Гетеборг) в статье «Исконная форма названия варягов» (G. Jacobson, La forme originelle du nom des varègues) (стр. 36—43) делает попытку дать новое решение вопроса о происхождении слова *варяг* и о путях его проникновения в древнерусский, древнескандинавский языки, в византийские документы и в некоторые другие источники, в которых это слово известно. Г. Якобсон считает, что исконной формой этого слова было **varang-*, давшее в древнерусском языке *var'agъ*, как др.-швед. *stang* дало *st'agъ*; подобные же изменения претерпели на восточнославянской почве имя *Константин* — др.-русск. *Kost'atinъ* и название народа франков — *fr'agъ, fr'azi*. Из формы **varang-* выводит автор и визант. *βαράγγος* и соответствующие формы в других языках. Излагая взгляды некоторых ученых, занимавшихся вопросом о происхождении названия варягов¹, Г. Якобсон критикует их за то, что они, допуская происхождение др.-русск. *var'agъ* от формы на *ing* (**varing*), не давали этому достаточно ясного фонетического обоснования. Однако Г. Якобсон также не приводит исчерпывающих фонетических доказательств правильности своей точки зрения. Точно так же, отмечая у А. Д. Стендер-Петерсена² противоречивость его точки зрения, согласно которой визант. *βαράγγος* восходит к древнескандинавскому *varing* — через древнерусское посредство, что не вполне объяснимо из известных в настоящее время фактов конкретной истории, Г. Якобсон, к сожалению, не подвергает эти факты анализу, необходимому для обоснования его собственной гипотезы.

В статье имеются также интересные соображения об этимологии корня **varang-* и о путях проникновения этого корня в некоторые топонимические названия разных народов.

В. Кипарский (Бирмингем) в своей статье «О хронологии некоторых фонетических изменений в славянских языках» (V. Kiparsky, Sur la chronologie de quelques altérations phonétiques en slave) (стр. 19—21) высказывает интересные соображения об абсолютной и относительной хронологии явления перестановки групп **or*, **oi*, **er*, **el* между согласными и изменений **tj*, **dj* в славянских языках.

Исследуя звучания заимствованных в финских языках славянских слов корня **vertja*: финское диалектное *värtsi*, карельск. *värt'i'si*, восток. *värtisi*, В. Кипарский отмечает, что здесь наблюдается изменение группы *tj*, но в группе, соответствующей праславянскому *er* между согласными, отсутствует как перестановка, так и возникновение второго гласного элемента (ср ст.-слав. *врѣѡта*, болг. *вреѡц*, сербо-кroatск. *vrěca*, словенск. *vrěča*, словацк. *vrěcko*, ст.-чеш. *vrěse* и русск. *веретье* < **vertje*). Автор делает вывод, что в славянских языках изменение **tj*, **dj* предшествовало изменениям **ar*, **al*, **er*, **el* между согласными.

Анализируя некоторые другие славянские заимствования в финских языках, сохраняющие сочетания **tj*, **dj* или их соответствия, В. Кипарский приходит к выводу, что изменение этих сочетаний следует относить ко времени около IX в., причем можно предполагать, во-первых, что в то время еще существовали носовые гласные в каких-то диалектах некоторых славянских языков, а во-вторых, что процесс изменения групп **tj*, **dj* мог протекать неравномерно на территории восточнославянских племен и распространяться с юга на север.

В статье Хр. С. Станга «Предлоги *ing* (*i*), *prieg* (*i*), *nuog* (*i*), *išg* (*i*) и литовский местный падеж» (Chr. S. Stang, Die Präpositionen *ing* (*i*), *prieg* (*i*), *nuog* (*i*), *išg* (*i*) und die litauischen Lokalkasus) (стр. 11—18) рассматривается история современных литовских предлогов *i*, *prie*, *liū*, *iš*. Автор предполагает, что история этих предлогов должна быть поставлена в связь с существованием в латышско-литовский

¹ См.: А. J. Sjögren, Ueber das Werk des Königl. Dänischen Etatsrathes und Professors Finn Magnusen «Runamo og Runerne» betitelt, St. Petersburg, 1842; W. v. Gutzet, Warägen und Warangen, Riga, 1882; E. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, St. Petersburg: Abt. I—1844; Abt. II—1845.

² Ad. Stender-Petersen, Die Väringer und Kyllfinger, «Varangica», Aarhus, 1953.

период вторичных временных надежд (*Illativus, Allativus, Adessivus*). Первоначально *-gi* должно было иметь эмфатическую функцию, передававшуюся образованиям *in + g (i), prie + g (i)*, которые стали восприниматься как основные формы предлогов и влияли на *pid* и *iš*; позднее эмфатическое значение предлогов утратилось, эти формы обобщились и имела место редукция *gi*. Этим предположением может быть объяснено и меньшее распространение в древнеиталийском языке предлога *išg (i)* как более позднего образования.

«Этимологические заметки» Н. Торнквиста (*Göteborg*) (С. Thörnquist, *Etymologische Bemerkungen*) (стр. 22—26) представляют собой замечания по поводу деяния этимологий из первого тома «Русского этимологического словаря» Фасмера. Соглашаясь с некоторыми из его этимологий, Н. Торнквист указывает на не отмеченные в словаре значения (например, *камера* — помещение в шлюзе, в котором находится судно во время шлюзования, стр. 24). Говоря об этимологии слова *бешлот* «качава по краю дороги», автор считает необходимым привлечь параллельную форму *бейлот* «плотина», восходящую к голл. *bijslot* с тем же значением (стр. 22). Вместо голл. *dregtow* «название для якоря на малых судах», с которым Фасмер сближает слово *дроз* (*дрок*) со значением «морская снасть для подъема паруса», в «Заметках» предлагается норвежский судовой термин *drag* «бечева» (стр. 24). Кроме этого, «Этимологические заметки» содержат замечания по поводу этимологии слов *бородьк* (*бродьк*), *бурак* в значении «бережливый сосуд», *верк*, *кэнтат*, *кыпа*.

Статья А. Галлиса (Осло) «Употребление предлога *od* вместо родительного принадлежности в сербо-хорватском языке» (A. Gallis, *Gebrauch der Präposition od statt des Genitivs des Eigentums oder der Zugehörigkeit im Serbokroatischen*) (стр. 27—35) рассматривает синтаксическую тенденцию (как квалифицирует это явление автор), существующую и в других славянских языках, например словенском, польском, кашубском, чешском. Начинается статья изложением взглядов сербских и хорватских исследователей этого вопроса. Статья содержит результат исследования 70 случаев употребления предлога *od* вместо родительного принадлежности, собранных автором в текстах, охватывающих период с XIV в. до наших дней.

Распределяя материал по разрядам в соответствии со значением имен существительных, управляющих предлогом *od*, А. Галлис на первом месте (одна треть собранных примеров) ставит существительные со значением «владелец», «господин» и др.; вторая группа объединяет существительные со значением «прочной принадлежности» или «определенной составной части» (например, *кълуч*, *сръце*); третью группу составляют многочисленные существительные, обозначающие место или время; кроме того, отмечены 20 существительных, которые не смогли быть распределены по разрядам в соответствии со значением (стр. 31—32). Материал, собранный автором, показал, что норма современного сербо-хорватского языка — выражение принадлежности предлогом *od* с управляемыми существительными, обозначающими не живые существа, а предметы, — не характерна для древнейших источников: почти в одной трети примеров А. Галлиса существительные, управляемые предлогом *od*, обозначают живые существа (стр. 33).

Касаясь вопроса о причинах замены родительного принадлежности родительным с предлогом *od*, автор рассматривает это явление как имманентную тенденцию всех индоевропейских языков, связанную с развитием их от синтетического к аналитическому типу (стр. 34). Исходя из этого взгляда, автор принимает предположение Л. Тельера¹ о влиянии итальянского языка, «дальше продвинутого» в направлении аналитической структуры» (стр. 35), на сербо-хорватские диалекты, отвергая выдвинутую тем же ученым возможность влияния субстрата древнейших балканских языков, не позволяющую объяснить рассматриваемую тенденцию в других славянских языках, например в польском, кашубском и чешском (стр. 33—34).

Г. Хр. Соренсен в статье «Русский разговорник 17 века» (H. Chr. Sørensen, *Ein russisches Gesprächsbuch aus der 17. Jahrhundert*) (стр. 54—63) поднимает вопрос о значении для изучения русской разговорной речи XVII в. рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене и впервые отмеченной А. Стендер-Петерсеном в 1918 г. Рукопись имеет 54 страницы и состоит из трех глав, каждая из которых является беседой на определенную тему (Беседа 10 человек; О куше и о продаже; Как долги выбирать); каждая страница разделена на 2 части: в левой написан русский текст, правая (неисписанная), по мнению автора, должна была содержать параллельный немецкий текст (стр. 56). На основании анализа палеографических данных автор приходит к предположению о написании рукописи «внутри великорусской области или же великоруссом» (стр. 58) и о времени написания: характер написания *Ѣ*, *и* и т. д., а также употребление слова *сѣмок* и содержание первой главы позволяют думать, что рукопись была написана между 1635 и 1660 гг. (стр. 60). В связи с приурочением рукописи к середине XVII в. отмечается актуальность исследования языка

¹ L. Tesnière, *Rur le système casuel du slovène*, «Melanges Linguistiques offerts à M. J. Vendryes», Paris, 1925, стр. 358—359.

рукописи в сравнении с языком Уложения 1649 г.¹ и с языком русского перевода 1647 г. книги Вальхаузена (I. I. von Wallhausen, *Kriegskunst zu Fuss*)²; подобное сравнение, считает автор, могло бы «осветить развитие разговорного языка этого периода» (стр. 61).

Предполагая детальное исследование языка рукописи в дальнейшем, автор статьи останавливается лишь на формах *тобя, собя, тобѣ, собѣ*, представленных в рукописи в многочисленных случаях; из этого автор делает вывод, что указанные формы пружались (вопреки мнению Унбегауна) в разговорной речи несколько дольше, чем это считали до сих пор (стр. 62).

В конце статьи высказываются предположения о том, что наличие рукописи в Королевской библиотеке в Копенгагене может быть объяснено развитием датско-русских торговых отношений в XVII в.

Короткая заметка А. Беклунда (Стокгольм) «Что означает *teremtete* у Гоголя?» (A. Baeklund, *Was bedeutet teremtete bei Gogol?*) (стр. 103—105) посвящена вопросу о значении и происхождении слова *теремтете*, дважды встречающегося в 18-й сцене комедии Н. В. Гоголя «Игроки». Автор отмечает закономерный характер употребления этого слова, являющегося по происхождению венгерским страдательным причастием *teremtette* и имеющего значение проклятия, в сцене, где речь идет о гусарах (Венгрия является родиной гусар как особого рода кавалерии). А. Беклунд предполагает, что употребление этого слова в комедии явилось результатом изучения Гоголем русского военного жаргона, заимствовавшего *теремтете* от австрийских военных во время войн начала XIX в.

В статье К. Неттеберг (Копенгаген) «Об исчезновении простых форм прошедшего времени в русском языке» (K. Netteberg, *On the disappearance of uncompounded preterit forms in Russian*) (стр. 44—53) ставится вопрос о вытеснении форм аориста и имперфекта в русском языке формами прошедшего времени на -л. Касаясь причин исчезновения аориста и имперфекта, автор кратко указывает на некоторые существующие взгляды и выражает свое неудовлетворение ими. По мнению автора, «церковно-славянская глагольная система была разрушена в течение 17 века» (стр. 43); до этого времени авторы, употреблявшие «архаический церковный язык» в своих политических, исторических, богословских и т. д. произведениях, по всей вероятности, пользовались им также «в разговоривая об этих возвышенных предметах» (стр. 48). «Народный язык» отказался от форм простых времен «задолго до этого» (стр. 52).

Причины и подробности этого процесса, по существу, не освещаются автором, хотя в статье и говорится о роля видовых различий, о второй волне влияния византийской культуры в XIV и XV вв. и возрастающем употреблении в это время причастных конструкций, способствовавших затемнению у авторов «чувства личных спрягаемых форм» (sens of personal inflexion) (стр. 53).

Автор почти не привлекает фактического материала и в статье приводится только несколько примеров из «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» и следующие цифры: перфект встречается во всем этом тексте 35 раз, из них 14 случаев — это повторения трех глаголов: *взял, пошел и поставили* (стр. 49).

Во II томе «Scando-Slavica» (1956) опубликовано семь лингвистических статей. В статье Р. Экблума (Стокгольм) «Происхождение новых интонаций в славянских языках» (R. Ekblom, *L'origine des intonations nouvelles en slaves*) (стр. 3—12) затронуты очень сложные и далеко еще не изученные вопросы.

Появление этой статьи следует связывать с желанием автора уточнить отдельные моменты его воззрений на качество некоторых интонаций в балтийских и славянских языках³, которые были не вполне точно изложены в работе А. Мейе «Общеславянский язык». Кроме того, Р. Экблум уточняет здесь свою гипотезу о причинах переноса ударения со слога с циркумфлексной интонацией на последующий акутовый слог (закон Фортунатова — де Соссюра) и подчеркивает, в чем заключается отличие этой гипотезы от предположения де Соссюра: если, по де Соссюру, перенос этот происходил со слога с восходящей интонацией (старый литовский циркумфлекс) на слог с нисходящей интонацией (старый литовский акут), то Р. Экблум утверждает, что перенос осуществлялся со слога с циркумфлексной, нисходящей интонацией на слог с акутовой, восходящей интонацией в силу неустойчивости ударения на высшей точке нисходящей интонации. Тем самым он старается показать общность старых литовских и славянских интонаций.

Большое значение Р. Экблум придает в ряде случаев отпадению конечных редуцированных и образованию в связи с этим новых закрытых слогов, в результате чего имели место передвижение ударения и изменение характера интонации (метатония). Привлекая новые данные физиологии звуков речи и экспериментальной фонетики, автор

¹ См. П. Я. Черных, *Язык Уложения 1649 года*, М., 1953.

² См. Chr. S. Stang, *La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. 1647»*, Oslo, 1952.

³ См. R. Ekblom, *Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-baltischen*, Uppsala, 1922.

дает характеристику качества отдельных новых интонаций в славянских и балтийских языках.

В статье содержатся также некоторые критические замечания по поводу неясности терминологии и неточности изложения разделов об ударении в работах А. Мейе «Общеславянский язык» и А. Вайяна «Сравнительная грамматика славянских языков».

Автор «Заметок о проникновении поздних русских заимствованных слов в некоторые северо-курляндские диалекты» К. Д р а в и н ь ш (J. Lud.) (K. Dravins, Beobachtungen über das Eindringen spät-russischer Lehnwörter in einige nordkurländische Mundarten) (стр. 48—61) в течение 30 лет изучал латышские диалекты Курляндского полуострова (вблизи от Тальзена) — местности, уроженцем которой он сам является. Используя частично данные прежних исследователей, частично собственные записи, он приводит богатый материал, иллюстрирующий то, как в различные исторические периоды контакт с русскими приводил к усвоению русских слов и выражений тальзенскими говорами. Заимствованные из русского языка слова расположены по группам в зависимости от содержания (военные термины, администрация и суд, меры и т. ч.); многие из заимствованных слов употреблялись в качестве исходных для дальнейшего словообразования (с латышскими суффиксами).

Г. Б и р б а у м (Стокгольм) в статье «К вопросу о праславянском *kv-*» (H. Birbaum, Zu urslav. *kv-*) (стр. 29—40) рассматривает вопросы, связанные с изменением начального **kv-* в славянских языках. В первой части статьи автор стремится отграничить круг слов, которые должны являться надежным материалом для анализа. С этой целью последовательно рассматриваются сравнительно многочисленные группы заимствованных (ср. *квадрат*) и звукоподражательных (ср. *кваканы*) слов, квалифицируемых как «вторичные» (стр. 29) или древнейшие образования, свойственные отдельным языкам (стр. 32); в результате Г. Бирбаум приходит к выводам, что только отдельные слова, как, например, установленные им **kvariti*, **kvisti*, **kvasē*, могут быть выделены в качестве «прочного праславянского словарного наследия с *kv-*» и что «славянские рефлексy возможные индоевропейских *kv-* чрезвычайно редки» (стр. 34).

Связывая вопрос об изменении **kv-* с изменением начального **kv-* и со звуковым качеством индоевропейских *k* и *v*, автор во второй части статьи рассматривает гипотезы о причинах различия в развитии праславянского **kv-* и **gv-* перед гласными переднего ряда в южно- и восточнославянских языках и в западнославянских языках: гипотезу А. А. Шахматова, предполагающего наличие лабиального полугласного в едином юго-восточнославянском языке; гипотезу Р. Эбблома, согласно которой в группах *kv-*, *gv-* согласные *k*, *g* и *v* произносились отчетливо раздельно в западнославянских языках и слитно (род аффрикаты) в южно- и восточнославянских языках; гипотезу Каллемана, пытающегося примирить воззрения А. А. Шахматова и Р. Эбблома; гипотезу Ван Вейка, предполагающего дещалатализацию в западнославянских языках; наконец, близкое к гипотезе Ван Вейка предположение Трубецкого, объясняющего различие в западнославянских языках *kv-*, *gv-* явлением диссимиляции, отсутствовавшей в южно- и восточнославянских языках.

Критически рассматривая перечисленные гипотезы, Г. Бирбаум признает «лучшей точкой зрения» «фонетико-психологическое понимание» Р. Эбблома, считая необходимым объединить воззрения последнего с предположением о билабиальной артикуляции в южных и восточнославянских диалектах позднеобщеславянского языка и организовать инструментально-фонетическое исследование происхождения начальных *kv-* и *gv-* в славянских языках.

Среди имен существительных уменьшительных особое место занимают в балтийских языках уменьшительные формы от фамилий; анализ их образования и значений содержит статья В. Рукс-Д р а в и н ь ш (J. Lud.) «Уменьшительные формы фамилий в латышском и литовском языках» (V. Rūks-Dravina, Diminutive bei Familiennamen im lettischen und litauischen) (стр. 41—47). Присоединение уменьшительных суффиксов к фамилиям широко распространено в латышском и литовском языках; уменьшительные фамилии могли попадать даже в паспорт и официальные документы. Уменьшительные формы фамилий могут употребляться для обозначения молодых людей, для различения двух людей с одинаковыми фамилиями; особый случай представляют образования фамилий детей (с целью отличить их от родителей).

Фамилии с уменьшительными суффиксами становятся подобными уменьшительным именам — как в формальном отношении, так и в отношении оттенков значения. Они приобретают обычно оттенок интимности, доверительности. В статье отмечается, что «уменьшительные фамилии варьируются не столько по диалектам, сколько главным образом индивидуально, в зависимости от оттенков отношения, которые хотят передать этим способом» (стр. 46). Рассматривая уменьшительные фамилии как стоящие наравне с обычными фамилиями, которые даются по отцовской линии, автор приходит к выводу, что «более ранний способ образования фамилий от имен отца или матери в современном латышском языке становится устаревшим. Теперь в отношении современного общества фамилии частично перенимают роль, которая некогда была на именах и кличках...» (стр. 44).

Э. Н и е м и н е н (Хельсинки) в статье «Славянские (*j*) *ustro*, (*j*)*utro* и родственные слова» [E. Nieminen, Slavisch (*j*)*ustro*, (*j*)*utro* und Verwandte] (стр. 13—28) рассматривает происхождение и соотношение различных форм для выражения слова *утро* в славянских языках. Рядом примеров иллюстрируется распространение формы *jutro* наряду с *utro* во многих славянских языках, причем представленная в Сянжайской псалтыри форма с мягким *p* (*ky jutru*) разъясняется автором путем привлечения соответствующих форм в литовском языке и новгородского диалектного *е утрѣх* (стр. 14). В качестве доказательства существования варианта *justro* привлекается прилагательное *justrzejszy* «утренний» из польского языка XV—XVI вв. (стр. 15). Используя соответствия литовск. *aušra*, лат. *aurora*, латыш. *austrinš* «восток», автор выводит из индоевр. *auēs* «светить» существительное мужского рода **austro* (стр. 15); при этом высказывается предположение о том, что литовск. *aušra* и славянск. *ustro* могли бы быть прилагательными со значением «принадлежащее востоку» (см. замечания о *riša ustra*, стр. 19 и далее).

Касаясь утраты *s* в *ustro*, автор присоединяется к мнению Миккола¹, который предполагает решающую роль диссимилиации с предлогами, обычно выступающими с *ustro* и очень часто содержащими *s* или *z* (стр. 23).

Опираясь на соотношение начального *a—ja* (с вторичным *j*), Э. Ниёминен решает вопрос о соотношении форм *jutro* — *utro* в пользу большей древности последней формы (стр. 27) и присоединяется к мнению о том, что *j* в *утро* развился «не только по нормам фонетики», а в результате взаимного влияния *utro* и *juže* (при этом отмечается, что *utro* и *juže* являлись единственными исконными в старославянском языке словами, которые имели колебания между *u* и *ju* (стр. 28).

Статья Э. Ф о л е е в с к о г о (Вискошин) «Проблема польских фонем» (Z. Folejewski, The problem of Polish phonemes) (стр. 87—92) посвящена главным образом двум наиболее спорным моментам фонологического истолкования польского консонантизма и вокализма: 1) наличию корреляции по мягкости-твердости (palatal — nonpalatal) в системе согласных фонем и 2) фонематической самостоятельности (phonemic character) гласного *ɛ*.

По первому вопросу автор колеблется с известным американским структуралистом Дж. Трейджером, который отрицал существование указанной корреляции, считая все палатализованные согласные польского языка (в отличие от непалатализованных) не простыми фонемами, а сочетанием соответствующих непалатализованных фонем с фонемой [j]. Э. Фолеевский возражает против различной фонологической интерпретации палатализованных (*b', p', v', j', g', k', m', x'*) и непалатализованных (*z, ś, dź, ł, ń, l*) согласных, например, *ń* и *m'*: отношение между *ń* и *nj* совершенно аналогично, по его мнению, отношению между *m'* и *mj*, *b'* и *bj*, *p'* и *pj* и т. д. [слова *Mańa* и *tanja*, например, столь же часто произносятся одинаково, как *Mum'e* (дат. двадц. ед. числа от *Muma*) и *tumje*; функциональное различие внутри указанных пар также идентично — ср. *u nej*, *um'ej*; *ujja*, *tumja*].

Отрицание корреляции по твердости-мягкости на основании установления двуфонемной природы «палатализованных» польских согласных кажется, таким образом, Фолеевскому неоправданным.

Следует, однако, отметить, что, доказав несуществование утверждаемой Трейджером идентичности произношения *b'—bj*, *v'—vj* и т. п. при решении рассматриваемого вопроса, Фолеевский уделит совершенно недостаточное внимание рассмотрению второго (как кажется, гораздо более существенного) довода, приводимого Трейджером в пользу интерпретации «палатализованных» согласных как сочетания соответствующих непалатализованных с фонемой [j] — речь идет о полном «дистрибутивном» параллелизме «палатализованных» согласных с сочетаниями *tj, cj, s', zj*, «двуфонемный» характер которых никто не подвергает сомнению, и о чрезвычайной «дистрибутивной» ограниченности их по сравнению с подлинными фонемами (*les vrais phonèmes*)². В рецензируемой статье имеется лишь беглое замечание о том, что неспособность «палатализованных» согласных выступать в конечном положении можно рассматривать как «чисто дистрибутивную ограниченность» (стр. 91), которое не является, как кажется, достаточно убедительным опровержением точки зрения Трейджера³.

¹ См. J. J. M i k k o l a, Urslavische Grammatik, II, Heidelberg, 1942.

² См. G. L. T g a g e r, La systématique des phonèmes du polonais, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 3, 1939, стр. 181.

³ Впрочем, наряду с мнением о том, что «дистрибутивные» различия не опровергают «основной модели» корреляции, предложенной польским лингвистом С. Шобером (см. его классификацию польских фонем, из которой исходит автор рецензируемой статьи: S. Szober, Gramatyka języka polskiego, Warszawa 1931, стр. 75—83). Э. Фолеевский высказывает мнение о необходимости пересмотра этой классификации с учетом «проблемы дистрибуции» (в этой связи анализ Трейджера характеризуется как «чрезвычайно ценный вклад» — стр. 91, сноски 2) и предлагает в кон-

Краткие замечания о фонематической самостоятельности гласного *e*, заканчивающиеся схемой гласных фонем — «свободных и ограниченных» в отношении положения и сочетаемости, также, как кажется, не являются вполне удовлетворительным решением этого сложного вопроса. Не вполне точно утверждение о том, что некоторые лингвисты (З. Штибер, С. К. Шаумян) исключают гласный *e* из списка польских фонем на том основании, что в современном польском этот гласный появляется очень редко и обычно совпадает в произношении либо со ртовым *e*, либо с сочетанием *en*» (стр. 92). Дело в том, что условия указанного произношения о р ф о г р а ф и ч е с к о г о *e* ограничены положением в конце слова и перед зубными согласными, в то время как в большом количестве фонетических положений (перед щелевыми [f], [v], [f'], [v'], [s], [z], [š], [ž], [š], [ž] в польском л и т е р а т у р н о м языке, который исследует С. К. Шаумян, может выступать носовой гласный [ɛ]. Отрицание фонематической самостоятельности этого гласного основано, вопреки утверждению З. Фолеевского, не на «совпадении его с *e* или *en*, а на отсутствии противопоставления его сочетанию *en* перед [s], [z], [š], [ž], [š], [ž], [x] (это сочетание невозможно перед данной группой щелевых) и, аналогичным образом, сочетанию *en* перед [f], [v], [f'], [v']»¹.

Точку зрения Шаумяна не опровергает пример, приводимый Фолеевским в подтверждение «реальности оппозиции *e* : *e*, *ɛ* : *en*» (стр. 92), — ведь произношение некоторыми поляками носового [ɛ] в подобных случаях «не должно приниматься в расчет», как это специально оговорено в статье Шаумяна, который за основу анализа фонематической роли гласного [ɛ] принимает «положение, что этот носовой гласный возможен только перед щелевыми согласными»².

Таким образом, следует признать, что вывод Фолеевского о фонематической самостоятельности гласного *e* был бы убедительным лишь при условии более внимательного рассмотрения и критики аргументации тех исследователей, с которыми полемизирует автор.

Статья Л. Ельмслева (Копенгаген) «Очерки диалектной фонетики в латышско-литовской области» (L. Hjelmlev, Etudes de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien) (стр. 82—86) интересна не столько описанием каких-то конкретных диалектных черт, сколько стремлением автора выявить на диалектном материале общие закономерности изучаемых диалектов, проследить взаимодействие этих закономерностей в пределах одного диалекта, с одной стороны, и показать соотношение их в разных диалектах, с другой.

Рассматривая изменения некоторых гласных звуков в жемайтском диалекте литовского языка и в верхнелатышском и латгальском диалектах латышского языка, Л. Ельмслев тщательно проследивает действие в этих диалектах некоторых общих тенденций и связанные с ними изменения в системе фонем диалектов. Л. Ельмслев устанавливает действие следующих тенденций:

1) тенденция к устранению чрезмерных движений губ при образовании гласных³; 2) тенденция к симметрии фонематической системы; 3) тенденция к упрощению системы гласных; 4) тенденция к проведению некоторых приспособлений между звуками в определенной последовательности.

Характеристика этих тенденций путем анализа конкретных явлений очень интересна, однако не все формулировки представляются в равной мере убедительными. Так, например, не вполне ясно, следует ли говорить о тенденции к симметрии фонетической системы или речь должна идти о присущем фонетической системе параллелизме как о существе системы, ее органическом признаке, заложенном в самой ее природе в силу характера звуковых особенностей, а не появившемся в ней в результате действия какой-то одной тенденции.

Характерно стремление Л. Ельмслева изучать фонетические закономерности во всей их сложности. Так, анализируя некоторые фонетические изменения в каждом из рассматриваемых диалектов, автор старается показать, как действие одной тенденции способствует или препятствует проявлению другой, в каких сложных взаимосвязях они существуют в языке. Л. Ельмслев приходит к выводу, что прослеживаемые им тенденции охватывают латышские и литовские диалекты в различной степени и в разных звеньях их фонетических систем, хотя действие этих тенденций можно выявить во всей рассматриваемой области.

пе собственную схему согласных фонем, учитывающую возможности их различных позиций и сочетаемости (стр. 92).

¹ См. С. К. Шаумян, Система гласных форм современного польского литературного языка, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», т. III, М., 1951, стр. 402.

² Там же.

³ Об этом более подробно см. L. Hjelmlev, Etudes baltiques, Copenhagen, 1932.

Большое внимание уделено в статье установлению места новых элементов в системе фонем. Рассматривая так называемое жемайтское передвижение (переход $\acute{e} > ie > y$; $o > uo > \bar{u}$ в восточножемайтском говоре и $e > ie > ei$, $o > uo > oi$ в западножемайтском говоре), Л. Ельмслев указывает, что при этом старый член системы исчезает, а нового не получается, так как звуки, появившийся в результате этого передвижения, совпадает со звуком, уже имевшимся в системе ранее.

Т. В. Булыгина, О. Н. Морозовская и Б. С. Шварцкопф

РАБОТЫ ВЬЕТНАМСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Несмотря на годы извурительной войны и трудности послевоенного периода, в Демократической республике Вьетнам велась и ведется работа по языкознанию. В настоящей рецензии рассматриваются лингвистические статьи, помещенные на страницах журнала «Литература, история, география» (№№ 1—12)¹. Для статей, публикуемых в этом журнале, характерен интерес к изучению связи истории языка с историей народа; эту связь авторы статей стремятся осветить с марксистских позиций.

В №№ 1, 2 и 3 журнала помещена работа известного вьетнамского лингвиста Фан Кхоа² «Исследование проблем истории Вьетнама по данным языка», которая состоит из 5 разделов, посвященных следующим проблемам: 1) древнее племенное название вьетнамцев, 2) существование рабовладельческого строя во Вьетнаме, 3) производственная деятельность древних вьетнамцев, 4) культ плодородия, 5) существование матриархата. По каждой из проблем лингвистические доводы подкреплены историческими свидетельствами. Хотя языковые данные, приводимые автором, немногочисленны и доказательства часто строятся на одной этимологии или на толковании определенного выражения, в работе содержится ряд интересных мыслей и тонких наблюдений. Кратко охарактеризуем все 5 разделов.

1. Древнее племенное название вьетнамцев. Из многих племенных самоназваний вьетнамцев («люди Нам Вьета», «люди Хан», «люди Хуэ», «люди Кинь» и др.) автор выделяет как наиболее древнее *кео* («люди Кео»). Этим же словом называют вьетнамцев северные и северо-западные соседи: лаотийцы, тхо и мяо. Слово *гiao*, китайское заимствование во вьетнамском языке, встречается в составе названий древних племен «збао тьи» и «збао тьэу» (*giao-chi*, *giao-châu*). Автор предполагает, что *кео* — древнее самоназвание вьетнамцев, которое китайцы передавали иероглифом 交. — *цачо*, читавшимся в ту эпоху как *као*³.

2. Существование рабовладельческого строя. Анализируя все слова, означавшие когда-то «раб, слуга», автор устанавливает, что все они связаны с названиями горных племен севера и запада Вьетнама. Слово *мои*, ранее означавшее «слуга, раб» (а в современном языке имеющее значения: 1) «все» и 2) «дикари, варвары»), сравнивается с названиями племен в Чыонг-Шене, например *лоло*, *жаде* и др., которые имеют общее название *мои*. Слово *тои* со старым значением «слуга, раб» (а в современном языке означающее «я» — местоимение 1-го лица) можно сопоставить с названием племени *тои би* в Куанг-Бине. Слова *тхай то* и *дау то* «слуги» сопоставляются с названиями племен Сяма и Лаоса, относящихся к группе тая (*тхай*, *дау*, *тау*, *тай*). На основании этого анализа делается вывод о существовании в древнем Вьетнаме рабовладения, при котором одним из источников добычи рабов служили межплеменные войны.

3. Производство в древнем Вьетнаме. Разбирая относящуюся к производству лексику, автор делит ее на две группы, руководствуясь тем, является ли слово исконно вьетнамским или же заимствовано из китайского языка. Исконно вьетнамскими словами оказываются термины рыболовства, охоты и животноводства, а также

¹ «*Văn Sử Địa*». Журнал выходит ежемесячно с декабря 1954 г.

² Фан Кхоа (Phan Khôi) принадлежит ряд статей по фонетике и грамматике вьетнамского языка. Из крупных работ можно назвать «Изыскания в области вьетнамского языка» («*Tìm tòi trong tiếng Việt*», tập I, 1950) и сборник «Исследования по вьетнамскому языку» («*Việt Ngữ Nghiên Cứu*», Hà Nội, 1955).

³ *Као* — древнекитайское чтение иероглифа 交. Так, Б. Карлсен дает для 交 архаическое китайское звучание *kǎg* и древнекитайское — *kau*. (Архаический китайский язык датируется ~ V в. до н. э., древний китайский 交 V в. н. э.). — См. В. Karlgren, *Grammata Serica*, Stockholm, 1940, стр. 431—432.